

С. Сапожков

Актуальные вопросы текстологии

(ПО ПОВОДУ НОВОГО ИЗДАНИЯ ВТОРОГО ТОМА
«МЕРТВЫХ ДУШ»)

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 8: Мертвые души. Том 2 / Тексты и коммент. подгот. Н.Л. Виноградская, Е.Е. Дмитриева, И.А. Зайцева, Ю.В. Манн, А.С. Шолохова.

М.: Наука, 2020. — 827 с. — 1000 экз.

Гоголевская группа ИМЛИ, которой руководит Ю.В. Манн, выпустила очередной, восьмой том полного академического собрания сочинений Н.В. Гоголя. Он включает в себя текст второго тома «Мертвых душ», дошедший до нас далеко не полностью, в объеме пяти сохранившихся глав, да еще и в черновых редакциях, написанных в разное время, фигурирующих у текстологов под названиями «верхнего» и «нижнего» слоев рукописи.

Надо ли напоминать, что для любого академического издания сочинений текстологическая подготовка рукописей имеет решающее значение? Что же касается издания второго тома «Мертвых душ», то она, в силу вышеизложенных обстоятельств, во многом определяет его успех или неудачу. Тексты для настоящего тома подготовлены А.С. Шолоховой и Е.Е. Дмитриевой. Они же осуществили лингвистическую унификацию текстов. В расшифровке рукописей ряда глав принимала участие И.А. Зайцева.

В процессе подготовки рукописи второго тома к изданию эта группа исследователей провела тщательную текстологическую экспертизу его черновых редакций, включившую в себя: 1) подробное текстологическое описание сохранившихся рукописей, позволившее понять основные содержательные, стилистические и лингвограмматические отличия между двумя слоями, а также саму историю их появления и связанные с этим проблемы; 2) перекрестную проверку всех ранее предлагавшихся датировок создания пяти глав, в ходе которой рассмотрены все за и против той или иной версии и сделаны существенные уточнения относительно сравнительно раннего времени написания пятой главы; 3) реконструкцию истории создания и распространения *всех* неавторских списков второго тома (сделанных до и после его первого издания в 1855 г.), подробное описание этих списков, анализ основных различий между ними. В ходе этой кропотливой и весьма трудоемкой работы, требующей основательной проработки архивных и документальных источников, удалось всесторонне прояснить роль и осмыслить значение деятельности ряда современников Гоголя, которым мы сегодня обязаны сохранением и появлением на свет рукописи второго тома. В первую очередь здесь нужно назвать имя друга и конфидента Гоголя С.П. Шевырёва, которому посчастливилось услышать от автора наибольшее количество глав, в том числе и навсегда утраченных. В комментариях подробно и последовательно раскрывается, как беспрецедентная по масштабам затраченных усилий работа Шевырёва сыграла решающую роль на всех этапах истории издания рукописи второго тома, начиная с момента ее обнаружения, расшифровки, переписывания и заканчивая проведением рукописи через цензуру, ее редактированием и составлением первого научного комментария. Не забудем также,

что Шевырѐв издал такие программные тексты Гоголя, своего рода «спутники» второго тома, как «Размышления о божественной литургии» и «Авторская исповедь». Впервые тщательно прописана и роль, которую в издании второго тома сыграл великий князь Константин Николаевич. Выражаясь современным языком, он лоббировал издание рукописи в верхах, а его желание самому познакомиться с рукописью положило начало созданию и распространению списков второго тома. Значительно подробнее, чем это делалось до сих пор, прописано и участие племянника Гоголя Н.П. Трушковского. Он написал вступительную статью к изданию 1855 г., где изложил, с подачи Шевырѐва, первую версию творческой истории сохранившихся глав второго тома и представил реконструкцию его сюжета в целом.

Что же касается текстологов и публикаторов нынешней версии второго тома, то в процессе подготовки рукописи они неизбежно столкнулись с вопросами, выходящими за специфические рамки текстологии и затрагивающими самые сложные аспекты мировоззрения и творчества позднего Гоголя. Они нашли отражение в соответствующих разделах комментария (кстати, сам принцип его тематической рубрикации, принятый в этом томе, нужно признать, на мой взгляд, весьма полезной инициативой, заслуживающей продолжения в других, готовящихся к изданию томах). Поскольку перечень этих разделов весьма обширен (21, и это не считая подразделов!), здесь приведу названия тех, которые ранее в целостном и концептуальном виде отсутствовали в комментаторском аппарате сочинений Гоголя, включая и последнее академическое собрание: «Ономастика второго тома и вопросы возможной датировки»; «Хронология чтения Гоголем второго тома “Мертвых душ”»; «Выбранные места из переписки с друзьями» и второй том “Мертвых душ”»; «Версии сожжения рукописи»; «Реконструкция дальнейшего действия поэмы»; «Списки второго тома»; «Божественная комедия» Данте как возможный прототип трехчастной композиции “Мертвых душ”»; «Опыты продолжения “Мертвых душ”» и мистификации». Уже одно название разделов свидетельствует о том новом вкладе, который внесли комментаторы второго тома в изучение наследия позднего Гоголя. Большая часть разделов была написана Е.Е. Дмитриевой (некоторые в соавторстве с А.С. Шолоховой); авторами самостоятельных разделов стали также Н.Л. Виноградская и Ю.В. Манн (при участии И.А. Зайцевой). Реальный комментарий к главам выполнен Н.Л. Виноградской, Е.Е. Дмитриевой и А.С. Шолоховой.

Особо бы хотелось отметить раздел о «Божественной комедии» (автор — Е.Е. Дмитриева), содержащий историю критической рецепции известной идеи о трехчастном строении «Мертвых душ», якобы уже изначально ориентированного на композицию поэмы Данте («Ад», «Чистилище», «Рай»). Эта идея успела ныне стать распространенным штампом, дошедшим в том числе и до школы. Ее история неоднократно становилась предметом аналитических обзоров, последний, если мне не изменяет память, был дан в 2007 г. А.Х. Гольденбергом. Комментарий Е.Е. Дмитриевой не только охватывает последние 14 лет рецепции этой идеи, но и дает возможность в целом наметить основные направления ее интерпретации с гоголевских времен до наших дней.

Комментатор условно выделяет три подобных направления. Первое связано с отрицанием самой идеи ориентации Гоголя на Данте и восходит, например, к таким современникам писателя, как П.А. Вяземский. В литературоведении XX в. оно представлено именами ученых, отказывающих мировоззрению Гоголя в наличии «позитивного» религиозного компонента, во всяком случае по «католической формуле» Данте, или рассматривающих «Мертвые души» исключительно как сатирико-нравоописательный роман просветительского толка (В.В. Зеньковский, В.В. Гиппиус, А.А. Елистратова, С.А. Фомичев, И.А. Есаулов и др.). Нередко авторы этих работ ссылаются на самого Гоголя, в творческом самосознании которого па-

раллель с Данте, по имеющимся на сегодня данным, не получила отчетливой рефлексии. Второе направление представляют исследования, авторы которых априори убеждены в бессознательной ориентации Гоголя на Данте (точнее, на «дантовский архетип» или «дантовский текст»). И если первые авторы этой идеи (Алексей Н. Веселовский, С.К. Шамбинаго, Д.Н. Овсяннико-Куликовский) ограничивались лишь общим указанием на аналогичность замысла «Мертвых душ» трехчастной структуре текста Данте, то с конца 1950-х гг. в гоголеведении получил распространение широкий «аллюзионный» подход, усматривающий в образной ткани «Мертвых душ» многочисленные отсылки к различным деталям, описаниям и фрагментам сюжета «Божественной комедии» (Н.Л. Степанов, Д.Е. Тамарченко, А.А. Илюшин, Е.А. Смирнова, А.Х. Гольденберг, М.Н. Виролайнен, А.С. Янушкевич и мн. др.). Работам этого направления нельзя отказать в реконструкции ярких и доказательных параллелей с Данте, но все же в них велико влияние субъективного элемента, что не может не отражаться на убедительности конечных выводов. Как своеобразную «золотую середину» между двумя обозначенными крайними направлениями к анализу «дантовского текста» в поэме Гоголя я бы охарактеризовал третий подход, обозначенный в комментариях Е. Дмитриевой, ибо он базируется не на прямой ориентации «Мертвых душ» на поэму Данте, а на особенности восприятия этой поэмы в культурном самосознании гоголевской эпохи. Такой подход предполагает работу с контекстом, который становится основным объектом исследования (его, например, предложил и обосновал В.Н. Топоров¹). Так, устанавливается, что в первой четверти XIX в. трехчастное строение «Божественной комедии» интерпретировалось (начало этому положено в статье Ф. Шеллинга) не столько как христианская концепция загробной жизни души (в ее католической версии), сколько как «общесимволическая», универсальная форма, позволяющая усматривать матрицу поэмы Данте в любой культурной эпохе. Думается, подобный философско-гносеологический подход — это и есть наиболее продуктивный способ интерпретации «дантовского текста» в «Мертвых душах», выявляющий стремление гоголевского художественного мышления во всем случайном, бытовом, повседневном увидеть проявление субстанциональных сил бытия. Нельзя не согласиться с Ю.В. Манном, полагающим, что в буквальном смысле в поэме Гоголя нет ни ада, ни чистилища, ни рая, ни связанного с ними загробного воздаяния, однако все совершается с оглядкой на «память смертную», на загробную жизнь души.

Актуальными и тщательно прописанными с точки зрения полноты и аргументированности версий представляются и те разделы комментария, которые посвящены реконструкции дальнейшего действия поэмы и опытам продолжений «Мертвых душ» (Е.Е. Дмитриева при участии Н.Л. Виноградской). Они помогают глубже понять авторский замысел поэмы и механизмы его адаптации к восприятию различных кругов читателей, включая и культуру китча. В комментариях из различных источников заботливо собран и критически осмыслен многочисленный ряд свидетельств современников о тех сюжетных линиях героев второго тома, которые не попали в дошедшие до нас пять черновых тетрадей и принадлежали, видимо, к более поздним, беловым редакциям поэмы. Вся эта кропотливая работа, безусловно, будет востребована исследователями. Однако явно не хватает заключительного, обобщающего свода этих версий в целостную реконструкцию возможного сюжета второго тома, что значительно облегчило бы работу по осмыслению целого. Проанализированные в комментариях продолжения поэмы представляют богатый материал для исследования такого характерного явления современной

1 См.: Топоров В.Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithian'ы (к постановке вопроса). Вена, 1992.

литературы, как «сиквел» и его различных функций в массовой культуре (от желания продлить бытие классических литературных героев во времени или установки автора сиквела на литературную игру — до желания издателя нажиться на литературной репутации бренда, используя его в качестве рекламы-«приманки» для сбыта литературной продукции).

Но здесь пора сказать о главной текстологической новации публикаторов второго тома «Мертвых душ». Вопреки устоявшейся традиции печатать рукопись его по верхнему слою, проблема выбора источника основного текста в настоящем издании решена в пользу *нижнего слоя рукописи*. Основные доводы публикаторов таковы. Нижний слой, представляющий, видимо, перебеленный текст более ранней черновой рукописи, отличается «относительной завершенностью» (с. 553), тогда как верхний слой, представляющий более позднюю редакцию, характеризуют «вариативность, неустойчивость прочтений», что придает тексту «“зыбкий”, неопределенный характер» (с. 553), требует при его публикации многочисленных подстрочных примечаний и, соответственно, создает определенные трудности чтения. Принимая во внимание эти объяснения текстологов, все же хочется поделиться своими сомнениями. Оправдывают ли эти преимущественно технического свойства аргументы решение относительно ранний слой рукописи второго тома считать основным текстом, а верхний, относительно поздний, слой выносить в раздел «Другие редакции»?

На мой взгляд, гораздо большее значение для решения проблемы основного текста имеют содержательные отличия между обоими слоями рукописи. И, надо отдать должное комментаторам, эти отличия тоже становятся предметом их тщательного сопоставительного анализа. Его итогом является следующий вывод: «В целом можно сказать, что правка, вносившаяся Гоголем в верхнем слое, при всем ее разнообразии, все же имела определенную направленность. Так, при переработке усиливается тема антагонизма между городом и деревней, в которой уже не хотят жить гоголевские герои. Усиливаются инвективы Гоголя против “промышленной Европы”, идей ложного Просвещения, “нового образа мыслей”, нерусского воспитания. В целом при переработке глав усиливается дидактический пафос и тема спасения падшей души» (с. 390—391). На мой взгляд, «определенная направленность» здесь очевидна. Верхний слой рукописи, особенно при его сравнении с нижним, обнаруживает тесную связь с основными положениями социально-утопической программы «Выбранных мест...» и явно создавался в тесном соотношении с ней, о чем свидетельствуют материалы соответствующего раздела комментария (с. 462—472).

Взять, например, начало первой главы. В верхнем слое стилистической правке подвергается описание деревни Тентетникова, куда вносится описание церкви и окружающей ее природы. Причем усиливается акцент на «золотом» колорите церковных куполов («сверкавшее горячими червонцами золото», с. 130). Эту же деталь Гоголь добавил при описании деревни глазами возвращающегося в свое поместье героя после краха его честолюбивых мечтаний на поприще чиновничьей службы: «И блеснули золотые верхи» (с. 144). Спрашивается, можно ли игнорировать эту деталь, учитывая, что образ храма становится центром пространственной композиции, с которой начинается во втором томе «путь Чичикова»? Или взять, например, характеристику идеального наставника Тентетникова — директора гимназии Александра Петровича. Его идеальность ставили под сомнение уже многие современники Гоголя. Не будет преувеличением полагать, что и сам Гоголь отнесся к образцовому наставнику с известной долей скепсиса. Ибо его позитивная во многих отношениях программа «образовать из человека гражданина земли своей» покоилась на непомерном поощрении в учениках наиболее отталкивающего в представлении автора «Выбранных мест...» человеческого качества — гордыни ума.

И именно в верхнем слое рукописи появляется эта воспитательная установка наставника — апология «высшего ума», «честолюбивое желанье всех превзойти» (с. 136), что самым пагубным образом сказалось на судьбе Тентетникова: «И не взглянувши на прекрасный уголок, так поражающий всякого гостя посетителя, не поклонившись праху своих родителей по обычаю всех честолюбцев понесся он в Петербург...» (с. 139) (ср.: «И по обычаю всех честолюбцев понесся он в Петербург...» — нижний слой, с. 16). Думается, неоднозначность образа Александра Петровича в этом пассаже верхнего слоя проступает гораздо рельефнее, чем в ранней редакции. Недаром в верхнем слое при описании службы Тентетникова в департаменте пафосный тон ностальгических воспоминаний героя о своем любимом наставнике несколько ослабевает по сравнению с ранней редакцией (что отмечается и комментаторами).

Комментаторы также справедливо отмечают, что, помимо влияния «Выбранных мест...», большое значение для Гоголя как автора имела и связь с первым томом, особенно в осмыслении судьбы Чичикова. Но если это так, то вправе ли мы лишать основной текст второго тома таких, например, мест, как раздумья Чичикова о «не фантастическом имении», центральным мотивом которых становится «терпение»: «...он стал задумчив, и предположенья и мысли стали степенней и давали невольно значительное выраженье ли<цу>. “Терпенье! Труд. Вещь нет<рудная?,> с ним я познакомился так сказать с пелен детских» (с. 223). Вспомним, что именно «самоотвержение, терпенье и ограничение нужд <...> неслыханное» — важнейший лейтмотив биографии Чичикова, которой заканчивается первый том поэмы; лейтмотив, вносящий в эту биографию черты житийного героя-подвижника, правда пока еще в травестированном виде. Во втором томе этот лейтмотив постепенно освобождается от своих карикатурных форм и, отсылая читателя к финалу первого тома, предстает как свойство личности Чичикова, потенциально предвещающее будущее возрождение его души. А если так, то вправе ли мы записать в «другие варианты» слова Муразова о великом назначении Чичикова и о преображении греховного человека, которые появляются именно в верхнем слое: «Назначенье ваше быть великим человеком, а вы себя запростили и погуби<ли>...» и т.д., до: «если попрекнешь его им же, его же достоинствами, им опозоренны<ми>, в нем покол<е>блется невольно, и весь он потрясется» (с. 253).

Как видим, пресловутая «последняя авторская воля» обнаруживает себя именно в верхнем слое рукописи и, как бы сегодня текстологами это понятие ни подвергалось пересмотру, в случае с публикацией рукописи второго тома с ним приходится считаться. Да, авторская характеристика многих героев в верхнем слое становится более «идеологически выдержанная», как, например, того же Хлобуева, что отмечают и комментаторы тома. Но это вполне закономерная особенность художественного мышления Гоголя, после «Выбранных мест...» все более рассматривающего писательство как «своеобразную развернутую проповедь», означающую «прямой ход <...> от художественной к духовной прозе»². Что же касается «одномерности» персонажей, которая якобы усиливается в верхнем слое и является еще одной причиной, заставляющей нынешних публикаторов сделать выбор в пользу слоя нижнего, то и этот аргумент хочется оспорить. Ведь такая «одномерность» — закономерное следствие тенденции художественного мышления Гоголя-«проповедника», и, несмотря на все его желания как автора второго тома ее преодолеть, ему этого сделать так и не удалось. И принципиальную, качественную разницу между тем, как обрисован один и тот же персонаж в нижнем и верхнем слое рукописи, можно

2 Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. (Цит. по с. 468—469 комментария.)

признать только с большой натяжкой. Например, те же колебания Хлобуева, которому Муразовым назначен путь подвижника, в нижнем слое составляют всего одну фразу («Ему, все-таки дворянину некогда древнего рода, отправиться с книгой в руках просить на церковь! Ему с его хворостью трястись на телеге... А между <тем?> вывернуться и уклониться нельзя: дело богоугодное...», с. 106) и вряд ли в таком виде могут свидетельствовать в пользу психологической сложности его образа. То же можно сказать и о других героях. Так, небольшое уточнение авторской оценки личности Александра Петровича (в нижнем слое: «человек в своем роде необыкновенный, несмотря на некоторые причуды», с. 12—13; ср. с верхним слоем: «человек необык<новенный>», с. 134) тоже только при большом желании можно принять за отход «от двойственности, которая еще характерна для нижнего слоя» (с. 391). Если выбирать между категориями «характер» и «тип», то композиция образов героев второго тома тяготеет именно ко второй категории, причем, на мой взгляд, это относится к обоим слоям рукописи. И вряд ли перед Гоголем, автором «Мертвых душ», причем не только второго, но и первого тома, стояла задача создания психологически неоднозначных характеров. Скорее всего, можно говорить об их «идеологической» сложности и неоднозначности, которая растворяется в приемах, далеких от поэтики собственно психологической прозы: в оксюморонном заглавии поэмы и вытекающих из него комических приемов абсурда и «нефантастической фантастики» (Ю. Мани), в двойственности жанровой природы («трагестированный эпос») и в соединении в стиле поэмы авторского лиризма и сатиры. Другое дело, что эти приемы эволюционируют от первого тома ко второму, и что нужно понимать под «доступностью» и «простотой», к которой Гоголь стремился во втором томе, — вопрос, заслуживающий отдельного исследования.

Все эти размышления не ставят под сомнение ценность той колоссальной работы, которую проделал редакторский коллектив восьмого тома. Что же касается спорного текстологического решения, то в нем тоже есть свое продуктивное зерно. Дело в том, что оба слоя рукописи второго тома опубликованы, по сути, как *две черновые редакции*, с максимальным сохранением той самой «относительной незавершенности», то есть без редакторских конъектур (без редакторского домысливания и правки незавершенных слов и фраз). И это еще одна новация редакторской группы, которая свидетельствует о том, что оба слоя рукописи она рассматривает как *«две равноправные редакции»* (с. 554). А раз так, то между ними вряд ли возможно выстроить иерархические отношения по принципу «завершенности — незавершенности». В итоге текстологическая концепция, реализуемая в комментаторском аппарате, несколько противоречит итоговому результату, согласно которому нижнему слою присваивается статус основного (то есть, по сути, белого) текста. И это в ситуации, когда говорить о беловике абсолютно не приходится! Если быть последовательными, то, на мой взгляд, и публиковать эти слои надо было как равноправные, *не давая ни одному статуса основного текста, причем первым следовало бы все-таки печатать текст по верхнему слою как отражающий «последнюю авторскую волю»*. Прецедент такой редакторской версии издания уже был в истории публикаций сочинений Гоголя. Это собрание, подготовленное С.И. Машинским, А.Л. Слонимским и Н.Л. Степановым³. Комментаторами нынешнего собрания оно упоминается, но с оговоркой: «Но, поскольку это издание не имело статус научного, перед издателями не стояла проблема транскрипции рукописи и составления свода вариантов» (с. 553). Научный коллектив рецензируемого тома эти проблемы решил, издание имеет «статус научного». Так, может быть, тогда стоило сделать следующий шаг и вернуться к замыслу 62-летней давности? Понимаю, что вопрос отнюдь не риторический...

3 Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1959.